

Панфилов Т.

Независимая газета. 1992. 13 марта. С. 7.

13.3.92

ЭТОТ НЕСОВРЕМЕННЫЙ ПАНФИЛОВ

Вместо Пастернака и Солженицына он экранизировал Горького

Алла Гербер

Портрет

ГЛЕБ Анатолевич, экранизация «Матери» — это потребность души или того времени?

— И то, и другое. Никто еще не знал и не понимал моих замыслов, но я сразу же был всеми осужден.

— Осудили не вас. В очередной раз судили Горького. Однако «Мать» переведена на все языки мира, которые только имеют письменность.

— Предреволюционная обстановка во всем мире в то время. Идеи социализма, преподнесенные фантазией Маркса и Энгельса, были достаточно новыми, привлекательными. Казалось, они способны создать самое совершенное общество, с их помощью рабочий класс намеревался войти в рай. Сам же Горький, как я понял, изучая его переписку, хотел написать книгу о родителях, идущих за своими детьми, за делом детей, — дети знают свой путь, долг родителей — понять их и следовать за ними. Это художественно выразимая задача, особенно когда есть такая актриса, как Инна Чурикова.

— Прошло два года, как картина была готова, и четыре с тех пор, как начали снимать. Что вы сейчас думаете о своем детище?

— С точки зрения публицистического звучания картина уже отстает от жизни. Я начинал в 84-м году, мечтая о солидарности рабочих и интеллигенции. Кажется, сегодня это наконец произошло. Я хотел своей картиной показать рабочим их личностную целостность и ценность — и это произошло. Я хотел, чтобы народ понял: хватит безмолвствовать — и это случилось. Но сам я понял и другое: не это является главным содержанием фильма, а нечто, хочется думать, непреходящее.

— Для меня это фильм об одиночестве тех, кто решился сказать людям больше того, что они сами о себе знают, хотели бы знать. Это вечная тема Христа, а в наши дни — Сахарова. Так и Павел в вашей картине — ему удалось повести за собой всего лишь несколько человек — своих единомышленников. А толпа с любопытством смотрела вслед, предоставив потом фарисеям расправиться с ними.

— У Горького эта тема хоть и помелькими словами, но выражена очень точно: «Безумство храбрых!» Кто такой Иисус со своими апостолами? Это прекрасные безумцы, которые шли на плаху во имя открывшейся им истины. Без таких безумцев жизнь человеческая давно бы остановилась, но ценность их жизни становится очевидной людям, увы, слишком поздно.

Мне говорят, что я не преодолел Горького. А я и не хотел его преодолевать. Я был с ним в союзе. Горький написал «Мать» в 1906 году, и тогда это была диссидентская книжка, ее читали в России, как «тамиздат». Она пришла к нам из Америки, что многие или забывают, или не знают. Я задумал свою картину во времена застоя, закончил на пороге слома перестройки, если хотите, ее рождения. Мог ли я думать тогда, что рабочие, век пребывающие в состоянии политической апатии, снова выйдут на забастовки, и опять за то же — за нормальную, человеческую жизнь...

— Это было провидение или аналитическое предсказание?

— Прошел почти век, я имею другой исторический опыт, другое знание истории. В те годы Горький был чистым диссидентом. Выпущенный из острога, он уезжал в Москву, и студенты несли его по перрону на руках до самого вагона. В наше время я что-то не припомню, чтобы выдворенных диссидентов несли в Шереметьево на руках (разве что на носилках), а в том же Нижнем люди при виде Сахарова старались избежать немеченными. Горький тогда писал неконъюнктурно, и упрекать его за книгу, написанную за тридцать лет до провозглашения соцреализма, безграмотно. Мог ли он тогда предположить, что его, упорно повторяя, диссидентская книга усилиями наших «ассенизаторов и водовозов» наркомпроса превратится в мишень для ненависти. Лишь единицы после окончания средней школы, уверенно решившие ее перечитать по доброй воле, по личному интересу. Но еще Любимов в годы застоя понял, что это за литература, и поставил ее на Таганке. Именно как диссидентскую. Замечательный был спектакль. А нынче Горький не в моде.

Впрочем, мне претит мода на мысли, на течения, воззрения, людей, зверей — на все. Наступило время раздумий, в которых мода на идею может только помешать.

— Да, Горький — не в моде. Можно многое вспомнить, чтобы понять — почему.

— Многое, чтобы понять, а значит, простить. Ведь он полжизни отдал за тех, кто на дне. И вдруг эти люди пришли к власти — ему казалось, что

Глеб Панфилов Фото-Новости

именно они, но когда увидел ГУЛАГ рабоче-крестьянского государства, он был потрясен, он был в шоке. Но при этом надо было заканчивать главную книгу жизни «Клима Самгина» — и это при открытой форме туберкулеза, — и он молчал. Конечно, на нем лежит огромная вина, он не мог не понимать, что происходит... Это трагический человек, но мне не хочется его клеймить, мне хочется о нем размышлять. Ведь в той книге о Беломорско-Балтийском канале, вспомните, какие были имена: Шкловский, Габрилович, Зощенко... Я, памятуя формулу Солженицына «Не участвуй во лжи», хочу понять, что объединило их в этой книге. Прежде чем приступить к «Матери», я прочел всего Горького того периода и понял: его идеи тогда были ближе всего к учению Ганди — к топору они не звали. Эти ребята шли за свободой безоружными — в них стрелять могли, но они не стреляли. Я хотел сделать и сделать, как мне кажется, картину о жертвенности, о вечной потребности человека в справедливости.

— Как все же совместить в вашем творчестве тех молодых людей, которые шли за свободой против царя, и будущего русского героя — царя Николая II, который приказал в них стрелять?

— Я хотел сделать фильм о запрещенных людях... Рассказ о рабочих из Сорнова давал мне такую возможность. Да, зачинщиками перестройки оказались интеллигенты, но мы бы с вами сейчас неизвестно где были, если бы сегодня не поднялся рабочий класс. За Павлом шли всего несколько десятков человек, это, заметьте, исторический факт. У Горького иначе — за Павлом шла вся слобода. А сегодня за ним идут сотни тысяч. Народ больше не безмолвствует, и обратно в рабство его не загнать. Но я взялся экранизировать повесть Горького прежде всего потому, что этих ребят привела в революцию не ненависть, а сострадание. И пока жив человек, не умрет и эта тема. Ведь вы подумайте: Павел, читающий Маркса, покупает в лавке картину «Воскресший Иисус»! Деталь не моя — Горького, но именно она стала ключом. Я вижу в истории Павла и Пелагеи библейскую притчу на российском материале. Весь фильм, каждую секунду я вольно и невольно проецировал на будущее. Мы знаем, чем все это кончилось — что с ними, с нами, со всеми Власовыми и его товарищами произошло, чем кончились их героизм, вера наших отцов, да и наша — я этого никогда не забываю, ибо хочу быть честным. Я бы мог назвать этот фильм «XX век в России»...

— А когда появился замысел фильма о царской семье?

— В «Матери» есть кадр — фотосъемка царской семьи. Меня этот кадр долго не отпускал, и я понял, что должен превратить его в фильм. Как, почему, с чего все началось? «В огне брода нет» — это тоже фильм о революции, «Вася», «Мать» — это мои кинематографические попытки исследования причин, а в «Прощу слова» — и следствий. Интерес к истокам этого периода и к человеческому в нем состоянию — с одной стороны, а с другой — сама человеческая история. Вы знаете, сколько лет меня не оставляла мечта снять Жанну д'Арк и сколько лет это не удавалось сделать.

— Да, бунтарей-одиночек у нас не любил, а тут еще враждебные голоса изъять из употребления архангелов...

— И «Гамлета» я мог сделать только благодаря перестройке, но ведь и его не приняли — я же отнял у новейших шекспироведов романтического героя оттепели — поэта, который мучается в царстве тьмы.

— Что подлаешь, это были смелые аллюзии для театра шестидесятых: романтик, диссидент...

— И убийца — об этом как-то все забыли. Убийца, который не раскался. Для меня Гамлет — поэт, который жаждал власти погубил и свой талант, и свою душу.

— Значит, все-таки трагедия власти привела вас к замыслу фильма о Николае II?

— Трагедия Николая для меня ближе и пронзительнее, чем трагедия Гамлета. Почему Гамлет — фигура трагическая? Рожденный для прекрасного — этот человек, способный понять нечто высшее — истину, дал себя увлечь низменными страстями. Он борется за справедливость? Нет, он борется за власть — и об этом, на мой взгляд, написал Шекспир. И в этой борьбе он — сильный, пронырливый, изворотливый политик — морально разрушает себя. Не случайно он совершил кражу со взломом и двух своих университетских товарищей, гораздо более простодушных, чем принято о них думать в традициях романтического прочтения пьесы, пустил под топор и вернулся в Данию, чтобы свести счеты с дядей. Огромный поэтический талант прекрасно уживается с дальновидностью и ловкостью хитрого политика. Как политик он преуспевает, но поэт Гамлет умирает задолго до его физической смерти. Для меня Гамлет — наисовременнейшая фигура XX века. Он и поэт, и дьявол одновременно, и дьявол победил поэта, христианина. Он умирает, не покаявшись, и в этом для меня его самый страшный грех. «Жаль, жаль, что Лондон мне не узнает», — вот его последние слова, вот о чем думает «благородный» Гамлет в последние минуты. Он не способен никого простить, но может ли мы в таком случае простить его? «Простим друг друга, благородный Гамлет», — говорит ему Лазарь. Увы, он превзошел своего дядю — величайший грешник, прагматик, злой политик.

— А Николай?

— Бесполезный интеллигент, жертва обстоятельств.

— Хорошо, царь Николай II — мученик, потому как пал жертвой бессмысленного убийства. Но вся его жизнь — это не жизнь мученика. Он и сам был царем-убийцей, не стоит сегодня об этом забывать.

— Я с вами не согласен. Он мученик, потому что провидение поместило его на высший пьедестал в то время, когда он был на то абсолютно неспособен. Для окружающих он выглядел благодушной посредственностью, хотя на самом деле не был так примитивен, как его долгие годы преподносили историографы. Он был человеком глубоко верующим, по-настоящему образованным и весьма неглупым, но при этом средних дарований, в чем не вина его, а беда. Если все это понимать, то становится ясно, как он страдал от своего несоответствия занимаемому месту. Только понимание этого несоответствия заставило его добровольно отказаться от престола — вот уж кто не цеплялся за власть. Его не свергли — он сам отрекся. Со школьного учебника нам предлагали эту версию: произошла революция, и царя свергли. Нет! Гранул мятеж в Петрограде, который потом нарекли революцией, и в процессе этого смутного времени царь, находясь в условиях полной безопасности, сам отрекся от престола именно потому, что осознал свое несоответствие. При всей мягкости характера он нашел в себе силы для такого поступка, требующего громадного мужества. Личность императора связана с судьбой своего народа пуповиной — по заведенному порядку престолонаследия, прилагания императору, ибо эта присяга на Библии. Она связана глубочайшими корнями с историей народа и потому изначально гуманна.

— Но одновременно и негуманна, ибо громадный государством управлял человек, заведомо на то неспособный. Негуманно по отношению к самому народу.

— В будущем фильме император — лишь условие трагедии, мне же интересен сам этот человек.

— Была ли в русской истории личность столь же трагическая в своей слабости и тем не менее сознающая эту слабость, понимающая свое несоответствие предначертанной судьбе?

— Царь Федор Иоаннович — ближе всего Потом Павел I, о котором мы мало знаем.

— Вы полагаете, что Николай II — фигура истинно российская?

— Безусловно, хотя он был русским лишь на 1/4. Но национальность определяется по языку, культуре и воспитанию и лишь потом по крови. Я знаю многих людей, которые по крови нерусские, а по сути — лучшие из русских.

— Думая о вашей будущей картине, меня не оставляет Людвиг в одоименном фильме Висконти.

— Там тоже трагедия прежде всего человека, что есть единственный предмет искусства. Но там разрушение другого рода. В отличие от Людвигу Николай II не разрушился морально. Напротив, религия, любовь к семье, к народу помогли ему. Морально он преодолел все. Видя, как разрушается государство, он возвысился как личность, чем и вызывает у меня как художника громадный интерес к нему. Для меня его отречение — нравственный, моральный подвиг. Трагедия Николая II — вечная тема русской литературы, это трагедия маленького человека, Акакия Башмачкина на троне. Благородный, честный, робкий, порядочный — только у него укоренили не шинель, а страну, за что и стоически погиб. Это величайшая драма — был бы жив Пушкин, он бы обязательно написал. Думаю, что и Шекспир от такого сюжета не отказался бы.

— Но уже есть несколько фильмов о Николае II и даже документальный — «Дом Романовых». Вас это не смущает?

— Избави Бог! Это замечательно, что сегодня кино может себе позволить наконец разные версии одной и той же темы.

— Если бы вы жили в Америке...

— Я бы снимал только то, что чувствую, в чем испытываю потребность, — я бы и там был режиссером своей темы. Так, на мой взгляд, работал Андрей Тарковский. Так продолжает работать Отар Иоселиани.

— Я видела его недавно. Он прекрасно выглядел, но в глазах печаль — нет зрителя.

— У него и здесь его не было в смысле, как это принято говорить. Но раньше мы не заискивали от зрителя (в экономическом понимании), а в Америке, да и в Европе так было всегда. Художник должен преодолевать зрителя в его массовом выражении, а не идти у него на поводу. Мы же, как всегда, владаем в крайности — полная коммерческая независимость от зрителя, коей может похвастаться лишь тоталитарное государство, привела к полной от него зависимости в период разрухи. Я за то, чтобы кино было рентабельным. Но главное для меня все-таки художественный результат, а не прибыль. Наша новая система кинопроизводства проходит туземный период, и кино в ближайшее время будет туземным.

— В своем искусстве вы, более чем кто-либо другой, были гражданином, страдающим за судьбу отечества. И вот перестройка и постперестройка, а вас не оказалось среди знаменосцев.

— Не ходить на тусовки, не участвовать в работе всевозможных пленумов — это не значит быть оторванным. Для меня действовать — значит снимать. После пятого съезда я действовал на самом главном направлении: снимал!

— Если бы немного раньше изменилась ситуация, как вам сегодня кажется — вы бы все равно снимали «Мать» или то, о чем, помните, давно мечтали, — «Доктора Живаго», например, или «В круге первом»?

— Одно время думал — нет. А сейчас понимаю — я сделал то, что должен был сделать.

— На мой взгляд, «Мать» — самый современный фильм из всех, какие мне пришлось за последнее время увидеть.

— Но никогда мне не было так трудно, никогда я не чувствовал себя таким, якобы идущим против течения, как в этой работе. А сейчас снова все повторяется: зачем, мол, опять про царя Николая, зачем, уж в который раз, про убийство царской семьи...

— Но ведь вы не собираетесь на экране проигрывать один исторический сюжет, как шахматные варианты?

— Я делаю фильм о семье и доме Романовых, но, рассказывая о людях власти, о борьбе за власть, я не впрямую, естественно, буду говорить об этом. Однако в трагедии царской семьи самым пронзительным персонажем будет отрок. Я мужчина, но говорить об этом спокойно не могу. Я хочу сохранить то, что движет мной. Понимаю, у меня есть сын, и я не могу... Я испытываю это настолько сильно, что лучше не касаться больше этой темы.

— Хотели бы вы сделать картину на современном материале?

— Сейчас — нет. Я настолько связан с этим «материалом» — хожу в магазины, на студию, иногда даже на наши собрания. Я живу этой жизнью. Человек идет, пока ему дано идти, и видит то, что ему попадает по дороге. На моем пути я увидел и мимо пройти не смог. Это осталось внутри, мучает и тревожит выхода. И пока я не сделаю этот фильм, ни о каком другом и речи быть не может.